

ГЛАВА 1

Таблеток Женька наелась примерно за месяц до своего четырнадцатого дня рождения. Особой подготовки никакой не было, и мысли о смерти до этого ее посещали не то чтобы очень часто, но в тот idiotский день жизнь у нее расклеилась окончательно.

Со своей небольшой четырнадцатилетней колокольни она ощущала себя сильно расплюснутым, некрасивым, одиноким и, самое главное, толстым существом, до которого абсолютно никому нет дела. Изучив по глянцевым журналам и в интернете биографии знаменитых в прошлом толстых людей, она пришла к выводу, что у Демиса Руссоса в качестве компенсации был ангельский голос, у Елены Цыплаковой — талант и волшебная красота, а у Сергея Крылова — удивительное чувство юмора и бездна личного обаяния. На фоне всех этих достоинств лишний вес хоть и выглядел физически безобразно, однако с ним можно было мириться. Тогда как в ее, Женькином, случае вес был единственным выдающимся качеством, которым она могла себя описать.

Когда ее бабушка сердилась на дедушку, она любила говорить:

— Старость хороша тем, что вместе с нею приходит мудрость. Но иногда старость приходит одна.

Вот так и к Женьке лишний вес пришел совершенно один и стал ее единственным наперсником и товарищем. Родители

были слишком заняты друг другом, чтобы замечать ее недовольство собой и окружающим миром, в котором одноклассницы порхают на переменках как бабочки, а мальчики обращают на тебя внимание только на уроках физкультуры, когда на время игры в футбол им нужен кто-то очень надежный в защиту. Женька всегда соглашалась вставать у ворот и, когда настроение было особенно паршивым, с удовольствием раскидывала щуплых недоростков, возомнивших себя нападающими, а те бились об нее, как снежинки бьются о стекло в зимний ветреный день.

Быть может, именно поэтому ей легче было найти общий язык со своим отцом, чем с мамой, хотя у других девочек, насколько она знала, было наоборот. Усаживаясь рядом с ним у телевизора во время трансляции футбольного матча, она всегда симпатизировала защитникам, а не нападающим. Форварды красовались перед телекамерами, картинно падали в штрафной площадке, подолгу жаловались арбитру, понимая, что все это время их снимают десятки крупнейших в мире телеканалов, а защитники скромно отходили на свои места, попадая в кадр только в момент столкновения или его повтора, и за это Женька любила их всей душой. Она очень рано поняла, что защита важнее нападения.

В их семейном сражении, которое длилось уже не один год, в атаке играла Женькина мама. Одной из ее первых и самых значительных побед было распределение имен между супругами. Ей по праву досталась полная и официальная форма ее имени — Мария, и никому из ее ближайших родственников, включая родителей и сестер, даже в голову не приходило назвать ее Машей, и уж тем более Машенькой. В то время как ее мужа никто и никогда не называл Вячеславом. Никто, скорее всего, и не помнил, что его так зовут. Для всех, кроме своей дочери, он был просто Тетерин. Про них так и говорили: «Мария с Тетериным не придут», «Мария с Тетериным опять

поругались», как будто, выйдя за него замуж, она не только не приняла его фамилию, но по какой-то странной причине даже лишила его собственного имени.

В то злополучное утро Мария за завтраком атаковала Тетерина активнее, чем обычно, а он опускал голову к своей тарелке заметно ниже той невидимой черты, которую давным-давно провела для него Женька. Черта эта тянулась по всей их крошечной квартире, и он двигался по ней, как троллейбус по проводам, поднимая время от времени обе руки над головой, когда уже был не в силах выслушивать упреки жены.

«Интересно, зачем они поженились?» — уныло думала Женька, разглядывая отражение своего круглого лица в чашке с чаем.

— Может, хватит мечтать? — повернулась к ней Мария, как будто почувствовала первые признаки бунта. — Тебе не пора в школу?

Женькина класная руководительница любила ее родителей. Богатые семьи раздражали ее той пренебрежительной легкостью, с которой они отдавали деньги на ремонт, на охрану, на библиотеку и на все остальные зачастую бессмысленные школьные нужды, неустанно изобретаемые директрисой. Бедные, или, как их требовалось называть в учительской, малообеспеченные, злили постоянными придирками и проверками — на что были потрачены их жалкие средства. А Тетериных она считала равными себе интеллигентными людьми, потому что, как все остальные бедные, они явно отдавали последнее, но зато никогда не спрашивали — зачем.

* * *

Тетерины действительно были интеллигентной семьей, поэтому далеко не все вопросы их совместного быта подлежали публичному обсуждению, даже если под «публикой»

подразумевалось всего два человека. Кое-что, о чем сам Тетерин с удовольствием бы поговорил, оставалось за рамками разговоров. Однако в то злополучное утро разговор на эту важную и щекотливую тему все-таки состоялся.

— Ты что, совсем с дуба рухнул? — пригвоздила его Мария, мгновенно поняв, о чем заикается ее муж, и потому успев прогнать Женьку из кухни. — Ты именно сегодня решил об этом поговорить?

Тетерин вздохнул и опустил голову еще ниже.

— Даже с медицинской точки зрения — это неправильно, — негромко сказал он. — Я с тобой сейчас как врач говорю.

Среди множества болезненных и нерешенных между ними вопросов один вот уже несколько месяцев был решен окончательно, изящно и бесповоротно. В любой полноценной семье, которая живет в однокомнатной квартире и в которой ребенок увеличился до размеров и интересов четырнадцатилетнего подростка, неизбежно возникает момент неловкости. Чтобы эту неловкость преодолеть, приходится ловить момент, когда незаметно увеличившийся и, к сожалению, многое понимающий ребенок либо уснет, либо уйдет в школу, либо увлечется чем-нибудь до такой степени, что потеряет всякую связь с реальностью. Можно, конечно, попробовать запереться в ванной, но ребенок ведь не дурак. Интернет в этом смысле давно уже исполнил все необходимые образовательные функции. И кто виноват, что двум образованным интеллигентным людям время от времени примитивно хочется того же, что барсучкам, слонам и лошадкам на канале «Дискавери»?

Приходится вечно что-то придумывать.

Однако Тетерины в этом отношении были в более выигрышной позиции. Им не нужно было ничего придумывать. Секс по инициативе Марии ушел из их повседневного опыта, и у Тетерина появилась возможность испытать чувства

великого Гете, который, по старости утратив мужскую силу, безмятежно радовался вновь обретенному покою, сравнивая себя с наездником, спрыгнувшим с дикого скакуна.

Закончив негромкую, но яркую отповедь, Мария вышла из кухни и посмотрела в пунцовое лицо дочери. Разумеется, Женька не собиралась подслушивать своих родителей, но акустическое устройство квартиры общей площадью двадцать восемь квадратных метров настолько нескромно, что даже глухой был бы введен в краску.

Чтобы преодолеть внезапный приступ смущения, Мария захотела сказать дочери что-то важное и даже успела подумать про контрольную, о которой за день до этого говорила ей дочь, но потом почему-то сбилась и строгим голосом сказала совсем другое:

— Женя, надо взять себя в руки. Посмотри — на кого ты похожа. Снова поправилась. Я тебе серьезно говорю — пора остановиться.

* * *

Из всех многочисленных родственников своей жены Тетерину легче всего было общаться с ее братом. Димка появился на свет гораздо позже своих сестер и характером походил на самую младшую из них, Томку. Оба они временами раздражали Марию болтливостью, поэтому во время семейных праздников у стариков на Озерной она могла встать и выйти во двор прямо посреди общего разговора. Впрочем, к ее поведению все уже давно привыкли, и веселье не затихало без нее ни на одну минуту.

Тетерину с Димкой, наоборот, было легко. Он всегда с удовольствием пожимал ему руку, улыбался в ответ и нисколько не завидовал его материальному успеху. Легкость и даже, наверное, легкомыслие, с которыми тот занимался своими

торговыми делами, безотчетно радовали Тетерина и вселяли надежду на то, что в конечном итоге все будет хорошо, пусть даже необязательно у него самого. Димка вечно носился с какими-то коммерческими идеями, зарабатывал, прогорал, во что-то вкладывался, и Тетерину было приятно следить за этой бурлящей жизнью, хотя, как интеллигентный человек, он иногда корил себя за то, что симпатизирует, в общем-то, обыкновенному торгашу.

В глубине души он стеснялся этой симпатии, а в моменты душевного подъема и в первые несколько дней после зарплаты стеснялся и своих мыслей о жизненном успехе. В Москве, насколько он знал, интеллигенция уже давно не чуралась бизнеса и деловая хватка считалась там скорее достоинством приличного человека, но здесь, в глубокой провинции, интеллигенты по-прежнему носили круглый год одни и те же старые джинсы, перетягивали сломанные очки изолентой, пили плохую водку и сильно беспокоились о вечном.

— Не все, знаете ли, Чеховым теперь увлекаются, — вздыхала соседка Тетерина, бывшая учительница начальных классов, когда встречала его у лифта с потрепанной книжкой в руке. — А с другой стороны, денег в кармане от Антона Павловича не прибавится.

Насчет денег Тетерин был с ней согласен. Денег Чехов не приносил. После пятнадцати лет врачебной практики Тетерин уже наверняка знал, что в современной России нельзя жить на зарплату, но как на нее не жить, ему было неизвестно. Носителем откровения был веселый и беззаботный Димка. Чехова он никогда не читал, поэтому знал, как жить не на зарплату.

В то утро, когда Мария запретила Женьке толстеть, Димка примчался к Тетерину в поликлинику. Он должен был ехать в аэропорт, встречать свою третью сестру Валентину, но вместо этого, рискуя опоздать к рейсу, сидел в кабинете у Тетерина.

Тот слушал его вполуха, занятый страшным сумбуром в своей голове, а Димка напористо говорил ему что-то чрезвычайно важное про жилищный вопрос, кредиты, откаты, про огромную партию компьютеров и почему-то Китай.

Все это было до такой степени дико, непонятно и неинтересно Тетерину, что, даже если бы он захотел в это вникнуть, ему потребовались бы нечеловеческие усилия. Теперь же, когда он мучительно разрывался между чувством стыда перед женой и чувством вины перед дочерью, Димкины разговоры о бизнесе были далеки от него как никогда раньше. Он рассеянно пролистывал принесенные медсестрой карточки пациентов, кивал Димкиным словам, а сам снова и снова переживал затеянный им с утра бесполезный и совершенно неловкий разговор о сексе. Чувствуя, что краснеет, он тер пальцами лоб, старался прикрыть лицо, и перед ним тут же возникала склоненная голова дочери, которая осталась сидеть на диване в какой-то неожиданно покорной и беззащитной позе, а он даже не попытался приободрить ее перед уходом.

Тетерину вдруг неудержимо захотелось встать и немедленно вернуться домой, чтобы сказать Женьке, что он ее любит, но потом он вспомнил, что она в школе, что у нее контрольная и что перед Димкой будет неловко, и он взял себя в руки, разобрав наконец фамилию «Приходько» на потрепанной карточке. До этого фамилия расплывалась, ускользала, как будто издевалась над ним, но теперь полностью проявилась, и он поднял взгляд на Димку.

— Ты в аэропорт опоздаешь.

— Да ладно тебе, — махнул рукой тот. — Еще целый час. Ты лучше скажи — согласен или нет?

— На что? — Тетерин снова потер лоб рукой.

— Ты что, не слушал? — в голосе Димки зазвучала обида.

— Нет, почему... Я слушал... Компьютеры в Китае... Фонд помощи малому бизнесу...

— Ну? — Димка нетерпеливо хотел от Тетерина согласия на что-то, чего тот не понимал.

— Ты знаешь... Поговори сначала с Марией... Такие вопросы я не решаю...

Дверь за спиной у Димки открылась, и в кабинет заглянула сердитая старушка.

— Прием сегодня начнется? — строго спросила она. — У меня на девять часов талончик.

— А ну, дайте, пожалуйста, посмотреть, — решительно сказал Димка, поднимаясь из-за стола и подходя к двери.

Старушка послушно протянула ему клочок бумаги, косясь на Тетерина. Димка покачал головой.

— У вас печать неразборчива. Сходите в регистратуру, пусть поставят еще раз.

Не дав ей возможности возразить, он закрыл дверь, оперся на нее спиной и скрестил на груди руки.

— Не смотри на меня так, — невесело улыбнулся Тетерин. — Если честно, я совершенно не понял, что ты предлагал. Извини.

— Понятно, — усмехнулся Димка. — Ладно, сделаем так: я сейчас встречу Валентину с семьей и отвезу их на Озерную... Мария, кстати, уже уехала?

Тетерин кивнул.

— Хорошо. Значит, я там с ней об этом поговорю. Ты пойми, такой шанс выпадает нечасто...

Тетерин, как будто защищаясь, поднял над головой обе руки, и Димка засмеялся.

— Все с вами понятно, господин доктор. Витаете в облаках. Ладно, вечером увидимся у стариков.

Он крепко пожал Тетерину руку и стремительно вышел из кабинета. Несколько мгновений Тетерин сидел неподвижно, словно ожидая, что Димка сейчас вернется и весело продолжит наседать на него, однако дверь оставалась закрытой.

Аккуратно сложив карточки на углу стола, Тетерин встал, чтобы пригласить первого пациента, но в этот момент дверь все-таки распахнулась и на пороге застыла почему-то побледневшая, взволнованная медсестра.

— Что такое? — настороженно спросил Тетерин, заранее уже ощутив нестерпимый холод под ложечкой, как будто все это время только и ждал, что она вот так придет, распахнет дверь и замрет на пороге не в силах сказать ему что-то страшное.

— Там... вашу дочь привезли на скорой...

ГЛАВА 2

К родителям на Озерную Мария приехала в состоянии крайнего раздражения. Выйдя из автобуса, она стремительно пошла по старому разбитому тротуару в сторону их дома, однако уже через несколько метров начала замедлять шаг и наконец остановилась. Ей надо было взять себя в руки. Ей надо было разобраться, разложить по полочкам, найти причину того, отчего ей хотелось разорвать в клочки первого встречного.

Мария перешла пыльную улицу, села на старенькую, давно не крашенную скамейку и закурила.

Во всем виноват был, конечно, Тетерин. Его глупые намеки на секс, его беспомощные притязания бесили Марию до такой степени, что, вспомнив теперь о них, она даже сломала сигарету, и пришлось лезть в сумочку за второй. Проезжающий в дорогом джипе толстяк подмигнул ей, и это почему-то рассердило ее еще больше.

На втором месте после Тетерина шла Женька. Мария никак не могла понять, почему, зная о своих проблемах, осознавая свой внешний вид и от всей души желая избавиться от лишнего веса, ее дочь тем не менее жрет по ночам. Сама Мария ела лишь столько, сколько было необходимо для поддержания в ней жизненных сил и бесконечных запасов раздражения.

Третьей причиной, которая привела Марию в привычное состояние легкого бешенства, было давно канувшее в Лету правительство Ельцина, а конкретно — Анатолий Чубайс. В том

самом дурачком 1994 году, когда родилась Женька, руководивший приватизацией и занимавший пост главы Госкомимущества Чубайс всенародно заявил, что придуманный им ваучер равен по стоимости двум автомобилям «Волга». Это звучало здорово. Получалось, что одна только Женька, будучи совсем еще бесполезным и бессмысленным существом, уже принесла в дом как минимум две машины. И это не считая тех четырех автомобилей, которые полагались им на ваучеры Тетери-на и Марии. То есть жизнь складывалась как нельзя лучше.

Однако с приватизацией что-то пошло не так. То ли подвели ваучеры, то ли «Волги», то ли Чубайс. Мария смогла обменять Женькин ваучер лишь на две бутылки водки, чтобы расплатиться с сантехником, и мизерность этой сделки она по каким-то своим тайным и странным причинам тоже переносила на Женьку.

Гораздо позже, уже после рокировки Путин-Медведев, она прочитала в интернете, что в том же 1994 году в Нижегородской, например, области один ваучер можно было обменять на две тысячи акций РАО «Газпром», которые в 2008 году стоили уже около семисот тысяч рублей. Известие радости не прибавило.

Впрочем, во всей этой истории больше всего ее напрягли не мифические семьсот тысяч, а то, что, несмотря на твердые обещания Чубайса, она была вынуждена добираться до живущих за городом родителей не на своей личной «Волге», а на рейсовом автобусе — вместе с какими-то бабками, их беспокойными внуками и сонным пьяницей, который уселся рядом, сопел и всю дорогу наваливался ей на плечо.

Было еще одно неловкое обстоятельство, связанное с приездом ее сестры, но об этом Мария не хотела сейчас думать. То, что произошло между ними пятнадцать лет назад и что вынудило ее младшую сестру Валентину не просто уехать, а даже скорее бежать из родного города, лежало у Марии на сердце

тревожным чувством вины — чувством, признавать которое за собой она не привыкла.

Докурив сигарету почти до фильтра, она небрежно уронила окурок себе под ноги, встала со скамейки, поправила свои роскошные волосы и пошла к дому родителей.

* * *

Димка Седов сестру Валю почти не помнил. Когда ему было всего двенадцать, она буквально за одни сутки выскочила замуж и уехала скитаться по военным городкам и гарнизонам. В силу возраста он тогда не очень понял причин ее поспешного бегства, тем более что в семье об этом до поры до времени старались не говорить.

Выйдя от удрученного как всегда чем-то Тетерина, Димка помчался в аэропорт. Он понимал, что уже опаздывает к рейсу, но тем не менее заехал на рынок и купил огромный букет. Однако мысли его вращались не вокруг Валентины и ее долгожданного приезда. Он думал о Марии. Вернее, о том, как построить свой разговор с ней сегодня вечером на Озерной.

Димка немного боялся своей старшей сестры. Несмотря на то, что в семье он был всеобщим любимцем и многое ему позволялось, в сложных вопросах он старался избегать Марии. Именно поэтому со своей новой и, как ему казалось, гениальной идеей он обратился сначала к Тетерину, хотя и предполагал, что тот не только не возьмет на себя ответственности решить такой серьезный финансовый вопрос, но даже не рискнет стать ему в этом деле союзником.

Сложность его новой затеи состояла в том, что все свои предыдущие операции он проворачивал сам, рискуя только собственными активами, тогда как сейчас ему предстояло убедить всю свою многочисленную семью в необходимости и целесообразности участия в крайне рискованном

предприятия. Впрочем, самому Димке новая комбинация казалась вполне надежной.

Его бывший одноклассник и лучший друг Витька Гробман, работавший в областной администрации, сообщил ему под строжайшим секретом, что вскоре будет объявлен тендер на поставку новых компьютеров для всех городских и районных школ. Димка немедленно связался со своими партнерами в Китае, и те нашли для него огромную партию компьютеров по низкой цене. Несмотря на то, что денег на такую закупку у него не имелось, он все же подал заявку на тендер. За небольшой, но вполне приятный процент Витька посодействовал ему на своем уровне, и конкурс был выигран.

Таким образом, на руках у Димки был договор государственного заказа, в Китае его ожидал готовый к отправке товар, но в этой цепочке не хватало главного. Не хватало энергии, которая должна была запустить в действие весь этот механизм. У Димки не было денег.

* * *

К дочери Тетерина пустили не сразу. Минут двадцать он неприкаянно слонялся по длинному, полутемному коридору, погибая от ужаса. В какой-то момент ему показалось, что он задыхается — как бывает во сне, посреди ночи, когда ты вдруг вскакиваешь с постели, хватаясь рукой за горло, или в детстве, когда падаешь на спину с большой высоты, и никак не вдохнуть, сколько ни старайся. Тетерин задержал дыхание и в панике начал прислушиваться к себе, одновременно думая о том, что он, может быть, сейчас умрет, и о том, что надо ли ему жить дальше, если Женьки не станет.

Все прежние страхи, которые мучили Тетерина, пока она была маленькой, снова вдруг ожили и набросились на него. Томительные минуты ожидания, когда она задерживалась

вечером во дворе, паническая боязнь инфекций, травм, бешеных собак, маньяков, открытых канализационных люков, пьяных водителей, водоемов, качелей, безликие опасности, у которых даже нет имени, — все это восстало против него и передавило ему горло.

Тетерин присел на обтянутую дерматином кушетку, но в этот момент большая белая дверь рядом с ним распахнулась, и в коридор вывезли Женьку. Тетерин вскочил на ноги, мгновенно забыв про то, что он разучился дышать, и быстро пошел следом за каталкой. Он вглядывался в Женькино безжизненное лицо, в темные круги у нее под глазами, а шедший рядом с ним бывший однокурсник Петя Смирницкий, который работал в реанимации, пытался успокоить его:

— В общем, сейчас все в порядке, — говорил он. — Пара ушибов, шишка на голове. Судя по содержимому желудка, она успела выпить около десяти таблеток феназепама и около двухсот грамм водки.

Тетерин с трудом понимал Смирницкого. В длинном списке его родительских ужасов ни водки, ни транквилизаторов пока еще не было.

— Зачем? — недоуменно спросил он.

— Попытка суицида, — понижая голос, ответил Петя.

— Понятно, — автоматически произнес Тетерин, хотя все это ему было совершенно дико и непонятно.

— У нас таких, как она, — продолжал Смирницкий, — на втором этаже пять человек лежит. Возраст, сам понимаешь.

До Тетерина наконец дошло.

— Самоубийство, что ли? — удивленно спросил он и даже остановился.

— Ты не беспокойся, — мягким голосом сказал Петя. — Я ей пищевое отравление записал. Так что на учет в психиатрии ставить не будут.

Каталка с Женькой тем временем скрылась за поворотом. Смирницкий молча пожал Тетерину локоть и открыл дверь в ординаторскую. На пороге он обернулся и снова посмотрел на своего коллегу, который столбом стоял посреди коридора.

— Можешь к ней заглянуть, — сказал он. — Только ненадолго.

Тетерин еще несколько секунд смотрел на закрывшуюся дверь в ординаторскую, затем оперся спиной на стену и сполз по ней, оставшись сидеть на корточках.

Через минуту к нему осторожно подошла его медсестра Танечка. Она была давно и безнадежно влюблена в него, поэтому постоянно проявляла трогательную, навязчивую и слегка утомительную заботу.

Танечка держала старенький плащ и потертый портфель Тетерина. Постояв рядом с ним, она тоже опустилась на корточки.

— Я сегодня прием отменила, — негромко сказала она. — Всех больных на завтра перенесла.

— Хорошо, — не глядя на нее, кивнул Тетерин.

— А что с вашей дочерью? — робко спросила Танечка.

Тетерин посмотрел на нее, резким движением взъерошил у себя на голове волосы, потом наконец встал и забрал свои вещи.

— Пищевое отравление. Ничего страшного...

Входя к Женьке в палату, он придержал рукой заскрипевшую дверь, но от сквозняка она все же стукнула, и он испуганно замер. На подоконнике сидела девочка лет десяти, которая играла во что-то на мобильном телефоне. Увидев вошедшего врача, она прыгнула на пол, однако Тетерин не обратил на нее внимания, и она тут же залезла обратно. Настороженно последив еще немного за странным доктором, она снова углубилась в свою игру. Женька лежала на кровати. Глаза ее были закрыты.

Тетерин взял стул и сел на него рядом с дочерью, неловко положив портфель и плащ себе на колени. Несмотря на то, что он был у себя в больнице, то есть на абсолютно знакомой ему, своей территории, он сидел так, как сидят на вокзале в чужом городе, ожидая поезд, который сильно задерживается.

Наконец Женька открыла глаза. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, не решаясь заговорить, а потом она с трудом улыбнулась.

— Привет, — сказала Женька.

— Привет, — глухо ответил Тетерин.

— Ну как? — спросила она.

— Нормально, — сказал он.

Женька болезненно сморщилась и сглотнула слюну. Тетерин нервно привстал.

— Больно?

— Нормально, — ответила она.

Они опять замолчали, и Женька посмотрела на отцовский плащ.

— Сколько ты его уже носишь?

— Что?

Он не понял вопроса дочери.

— Плащик. Я его помню с первого класса.

Тетерин погладил выцветшую ткань рукой.

— Да... Старый уже.

Женька опять улыбнулась. Видно было, что ей это далось нелегко.

— Нет, — сказала она. — Ты молодой.

— Я говорю, плащ старый, — поторопился объяснить он. — Да и я, в общем, тоже...

— Другой купи.

Тетерин вздохнул:

— Дорого.

Женька отвернулась к окну и, закрывая глаза, негромко сказала:

— Вот так всегда.

В наступившей тишине назойливо проступили неприятные звуки телефонной игры, в которую, высунув от усердия розовый язычок, играла девочка на подоконнике. В телефоне у нее что-то пиликало, квакало и время от времени раздавался скрипучий механический смех. Тетерину показалось, что электронные монстры, веселившиеся у девочки в телефоне, издеваются именно над ним.

Неожиданно Женька снова открыла глаза и повернулась к отцу.

— Ты маме звонил?

Тетерин замялся.

— Нет еще... Как-то в голову не пришло...

Женька невесело усмехнулась:

— Да, прикольные вы у меня родители.

* * *

В доме на Озерной тем временем кипели приготовления к приезду долгожданных гостей. Погода стояла чудесная, поэтому стол решено было накрыть прямо во дворе.

Старики уже давно жили одни. Стульев на всех, кто должен был собраться сегодня за этим столом, не хватало, и мужчины на скорую руку сколачивали большую скамейку. Женщины во главе с бабушкой Галиной Семеновной лепили на веранде пельмени. И только одна Мария не принимала никакого участия ни в женских, ни в мужских занятиях. Она стояла на крыльце в дверном проеме, лениво курила, прислушиваясь к разговорам матери и сестры у себя за спиной и глядя на своего отца, который совсем не изменился за последние годы.

Иван Александрович действительно выглядел подтянуто, свежо и по-боевому. Несмотря на свои семьдесят лет и на то, что у него иногда пошаливало сердце, он старался держать марку и в разговоре с незнакомыми людьми мог даже прихвастнуть, что ему восемьдесят, а чтобы уже совсем удивить собеседника, выкатывал свой старенький велосипед и гордо ехал по пыльной улице, позвякивая сверкающим на солнце звонком. Галина Семеновна, счастливо прожившая с ним более сорока лет, не любила этой его черты, обвиняла его в позерстве и предупреждала, что если он когда-нибудь свалится, то в больницу она к нему ходить не будет. Однако Иван Александрович всю свою жизнь был кадровым офицером, и не красоваться, когда выпадал случай, он не мог. Правда, в последнее время его стала подводить память.

— Батя, ты куда молоток утащил? — спросил старика Томкин муж.

— Я? — Иван Александрович беспомощно поморгал. — Так это... Он же здесь был... Степа, может, его Юрка унес?

Степан Дедюхин повернулся к своему сыну, который пилил ножовкой длинную доску.

— Юрка! Сходи молоток поищи.

Хорошо сложенный, крепкий для своих семнадцати лет Юрка выпрямился и посмотрел на отца.

— Он с ним в дом заходил только что.

— Ну, так иди принеси, — буркнул Степан.

Юрка положил ножовку на стол и направился к дому. Войдя на веранду, где его семилетняя сестра Катя активно мешала бабушке и маме лепить пельмени, он вынул из холодильника бидончик с квасом, сделал несколько жадных глотков и заметил молоток на полке с посудой.

— Нашел куда затолкать, — проворчала Галина Семеновна, краем глаза следя за внуком, который снял с полки молоток. — Еще хорохорится...

— Ты мою футболку не видела? — спросил Юрка у матери.

Томка потерла тыльной стороной ладони свой нос, смешно пыхнула, стараясь сдуть с него муку, и подбородком указала сыну на вешалку.

— Вон там она, под отцовской курткой.

Когда Юрка вышел, Мария повернулась к сестре. Она почувствовала хороший момент, чтобы сгладить неловкость, которую она, несмотря на свой характер, все-таки испытывала из-за того, что не участвовала в общих семейных хлопотах.

— Юрка у тебя такой симпатичный стал, — сказала Мария. — Вырос, прямо и не узнать.

— Да в спортзале все время пропадает, — стараясь говорить небрежно, ответила Томка. — Вот и накачался.

Она старалась не показать, насколько слова сестры были ей приятны, но Мария поняла, что со своим комплиментом попала в точку.

— А Женьку ты почему с собой не взяла? — спросила Томка.

— Чтобы вы ее тут опять закармили? — голос Марии стал строже. — На целую роту ведь пельменей налепите, я вас знаю.

— Кушать надо, — вмешалась Галина Семеновна.

— Ну да, — усмехнулась Мария, брезгливо раздавливая окурок в пепельнице. — А потом ни в одно платье не влезешь.

Томка, которая, в отличие от своей сестры, носила отнюдь не сорок четвертые размеры, слегка нахмурилась, приняв ее слова на свой счет. Правда, в следующую секунду она вспомнила о том, что Степан, искренне любивший ее формы, запретил ей худеть, и о том, что у Марии с Тетериным давно все разладилось, в том числе — в плане секса. Легкая тень исчезла с ее лица, Томка склонилась к перепачканной в муке дочери и звонко чмокнула ее прямо в макушку.

— Тебе-то чего бояться? — сказала она Марии. — Ты со своим характером все равно не поправишься. Язва — она и есть язва. Так что ешь сколько влезет.

Работа во дворе подходила к концу. Юрка натянул свою черную футболку и пошел к умывальнику.

— Ты куда собрался? — спросил сына Степан, глядя, как тщательно тот намыливает руки.

— Мне в город надо, — ответил Юрка. — У меня сегодня сбор.

— А что, Валю не дожدهшься? — спросил Юрку Иван Александрович.

— Я потом, дед. Успею еще.

— Успеет он, — хмыкнул Степан. — Ты бы лучше деду рассказал, чем вы там занимаетесь.

Юрка перестал звенеть умывальником и угрюмо посмотрел на отца.

— Кто-то ведь должен это делать.

— А чем вы там занимаетесь? — спросил Иван Александрович. — Что у вас за организация?

— Иди-ка сюда, — махнул Степан рукой сыну.

Юрка нехотя подошел к отцу, и тот указал Ивану Александровичу на две буквы «ЧГ», которые белели на рукаве Юркиной футболки.

— Вот это, батя, думаешь, чего значит?

— Ну, не знаю, — задумчиво протянул Иван Александрович. — Может быть, «член... государства»?

— На фига государству член? — сказал Степан и повернулся к Юрке. — Скажи ему.

— Может, хватит уже?

Юрка насупился и смотрел себе под ноги.

— Да нет, ты скажи, — настаивал Степан. — Деду приятно будет узнать, чем его внук занимается. Он же замполитом служил.

— «Чистый Город», — буркнул Юрка.

Иван Александрович сел на готовую уже скамейку, вынул из кармана брюк мятую пачку «Беломора» и закурил.

— Экологией, что ли, занимаетесь? — спросил он Юрку.

— Ага, мусор убирают, — усмехнулся Степан. — Санитары городских улиц.

— Слушай, кончай, а? — негромко сказал Юрка.

— А чего? Хорошее дело, — вздохнул дед, выпуская облачко дыма.

— Короче, пошел я, — Юрка повернулся и быстро направился к калитке.

— Смотри, оторвут когда-нибудь башку, — крикнул ему в спину Степан. — Доиграешься.

Юрка, не оборачиваясь, скрипнул калиткой и исчез.

— А за что оторвут? — удивился Иван Александрович. — Правильное дело ребята затеяли. Мы раньше тоже на субботники ходили.

— У них там другие субботники, батя, — уже безо всякой иронии ответил Степан. — Ладно, давай лучше стол раздвинем.

Мария продолжала наблюдать за ними с веранды, а Галина Семеновна, раскатывая тесто, краем глаза поглядывала на нее. Она начала волноваться еще неделю назад, когда позвонила Валя и сообщила о своем приезде. Мало того, что домой возвращалась младшая дочь, которую Галина Семеновна последние пятнадцать лет знала только по фотографиям, непонятно было — сумеют ли ее дочери забыть то, что произошло между ними, сумеет ли Валя простить Марию и сможет ли та повести себя так, чтобы снова не обидеть сестру.

Галина Семеновна не заметила, как прекратила раскатывать тесто и замерла над ним, опираясь на скалку.

— Мам, ты чего? — спросила Томка.

— Да... что-то задумалась, — вздрогнула Галина Семеновна, и в эту минуту у Марии зазвонил телефон.

— Да? — сказала она, вынув мобильник. — Что?

Лицо ее изменилось. Привычное выражение легкой брезгливости покинуло его, и она вдруг побледнела.

— Сейчас приеду.

Мария убрала телефон в карман и, уже совершенно не контролируя своих движений, протянула руку к большому блюду, на котором лежали куски рыбного пирога. Взяв один из них, она секунду постояла неподвижно, а затем начала жадно есть.

Андрей Геласимов — современный российский писатель. Автор книг «Роза ветров», «Жажда», «Год обмана», «Чистый кайф», «Степные боги», «Холод». Лауреат премии «Национальный бестселлер» и других литературных наград как в России, так и за рубежом. Автор Тотального диктанта — 2020.

Преподает литературное мастерство в Литературном институте имени А. М. Горького.

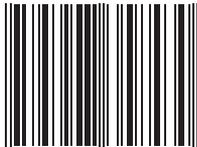
Переведен на английский, французский, немецкий, испанский и другие языки.

У Димки есть план, как заработать много денег за месяц. Не хватает лишь одного — стартового капитала. Но у Димки есть три сестры, которых можно попробовать убедить в гениальности идеи. И вот, рискнув всем и заложив свои квартиры, сестры вместе со своими семьями оказываются под крышей отчего дома на Озёрной. Три поколения семьи Седовых, потеряв практически все, сообща ищут выход из ловушки, в которую они попали из-за непутевого Димки. А общая беда объединяет многочисленных родственников, восстанавливая разорванные ранее отношения.

Теплая и трогательная история, напоминающая о важности семейных ценностей.

ISBN: 978-5-907358-43-0

9 785907 358430

www.gorodets.ru